

Остроумов Николай Петрович

**Первый опыт словаря народно-
татарского языка по выговору
крещеных татар Казанской
губернии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Петрович О.**
Первый опыт словаря народно-татарского языка по выговору крещеных татар Казанской губернии / Остроумов Николай Петрович – М.: Книга по Требованию, 2025. – 146 с.

ISBN 978-5-521-26825-2

ISBN 978-5-521-26825-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ О ТАТАРСКОМЪ ЯЗЫКѢ ВЪ СВЯЗИ СЪ ПРИНЯТЫМЪ ВЪ СЛОВАРѢ АЛФАВИТОМЪ.

— 111 —

Русскимъ, особенно жителямъ приволжскихъ мѣстностей, извѣстны два рода татаръ: татары-мухаммеда-не и татары-христіане. Первые болѣе извѣстны подъ именемъ „*мусульманъ*“, такъ какъ сами они называютъ себя „*муслима*“ по исповѣдуемой ими вѣрѣ, *исламу* ⁽¹⁾. Вторые извѣстны болѣе подъ именемъ „*крещеныхъ татаръ*“, такъ какъ и сами они называютъ себя просто: „*крашенъ*“, т. е. крещеный.

(1) У насъ, русскихъ принято переводить выраженіе: „*мусуль-манинъ*“ выраженіемъ „*правовѣрный*“. Такъ говорить, такъ писать. Но это совершенно неправильный переводъ. Выраженіе „*правовѣр-ный*“ означаетъ „*право-вѣрующаго*“, содержащаго привую, „*истин-ную*“ вѣру, въ отличіе отъ „*неправо-вѣрующаго*“, исповѣдующаго „*ложную*“ вѣру. Выраженіе „*правовѣрный*“ вполнѣ отвѣчаетъ вы-раженію „*принославный*“... Арабское же выраженіе „*муслима*“

(^{مسلم}) не заключаетъ въ себѣ такого смысла. Выраженіе это, упо-требаемое еще въ Коранѣ (см. наприм. гл. 3, ст. 60), представляетъ собою причастіе дѣйствительн. залога арабскаго глагола *аслямъ*,

который въ IV-й своей формѣ измѣняется въ „*аслямъ*“ (^{أسلم}) съ значеніемъ „*быть покорнымъ*“, „*попироваться*“. Слѣдовательно, при-частную форму „*муслима*“ нужно переводить по русски словомъ: „*преданный*“, „*покорный Богу*“, или же: „*исповѣдующій исламъ*“ т. е. покорность Богу.—Ясно, что выраженія: „*мусульманинъ*“ „*му-слима*“ не заключаютъ въ себѣ никакого понятія о правовѣрїи и что христіанамъ особенно не естественно называть „*правовѣрующими*“ враговъ имени Христа, сына Божія.

Тѣ и другіе, татары-мухаммедане и татары-христіане ⁽¹⁾ имѣютъ одно происхожденіе и говорятъ однимъ языкомъ, который принято называть „*татарскимъ*“, именемъ происходящимъ отъ существительнаго: *татаръ, татаринъ*. Въ данномъ случаѣ названія: *татаринъ, татарскій*—названія неточныя, установились въ наукѣ и въ обыкновенномъ словоупотребленіи невдругъ и часто сопровождались своеобразными представленіями и толкованіями.

Въ средніе вѣка названіе: „*татаръ*“ не было спеціальнымъ родовымъ названіемъ отдѣльной народной группы, въ какомъ значеніи это названіе употребляется въ наше время; въ средніе вѣка имя: „*татаръ*“ было собирательнымъ именемъ, усвоившимся многимъ, различнымъ по языку и происхожденію, племенамъ, въ томъ же смыслѣ, въ какомъ европейскіе народы употребляли выраженіе: *скиноз, сарматъ, варваръ*. Въ средніе вѣка самое происхожденіе татаръ объясняли очень своеобразно. Одни производили татаръ изъ самаго низшаго ада, т. е. изъ „*мартара*“, а другіе—изъ самаго главнаго ада. По словамъ Вокля, происхожденіе татаръ изъ ада не было подтверждено тогда никакому сомнѣнію и подтверждалось многими обстоятельствами, указывавшими на роковое и таинственное вліяніе, какое, по тогдашнимъ вѣрованіямъ, имѣли татары. Вліяніе это приписывалось татарамъ по ихъ родству съ турками, о которыхъ въ средніе вѣка говорили, что съ тѣхъ поръ, какъ крестъ христіанскій подпалъ подъ власть турокъ, у христіанскихъ дѣтей стало десятью зубами меньше, чѣмъ было дотѣ. — Производство названія „*татаръ*“ отъ названія ада „*мартаромъ*“ Причардъ

(1) Крещенные татары, по времени принятія ими христіанства, раздѣляются на два вида: на „*старокрещенныхъ*“ и „*новокрещенныхъ*“. Старокрещенные татары приняли христіанство вскорѣ послѣ завоеванія Казани (1552 г.), при первыхъ святителяхъ казанскихъ; новокрещенные же—послѣ учрежденія въ Казани Нолокрещенской Конторы (1740 г.).

приписываетъ французскому королю Людовику святому, о чемъ въ первый разъ упомянуто въ письмѣ германскаго императора Фридриха II, въ 1241 году.

Съ тринадцатаго столѣтія вопросъ о происхожденіи татаръ обратилъ на себя вниманіе католическаго духовенства и знаменитый теологъ того времени, Вистовъ говорилъ: „мое послѣднее знаменитое открытіе или, скорѣе, возрожденіе знаменитаго открытія Джилъ Флетчера состоитъ въ томъ, что *татары суть ничто иное, какъ десять коленъ израилевыхъ, слѣдовъ которыхъ до сихъ поръ тщетно искали* (¹)“.

Въ настоящее время, извѣстные намъ европейскіе языки, вмѣстѣ съ латинскимъ и греческимъ, въ наукѣ о языкѣ причисляются обыкновенно къ индоевропейскому семейству, названному такъ по мѣстности, занимаемой племенами, говорящими языками индоевропейскаго семейства. Но есть и другое названіе этого семейства именно: „арійское“, т. е. земледѣльческое, такъ какъ латинское *аго* и славянское *орати* равносильны русскому *пахать*, воздѣлывать землю. Аріицевъ, какъ земледѣльцевъ, уже потому именно нужно считать осѣдлыми народами.—Въ противоположность аріискому, семейство языковъ кочевыхъ народовъ Азіи называлось въ наукѣ о языкѣ „*туранскимъ*“. Такъ назвалъ это семейство Вунзенъ, слѣдуя разсказу персидскаго эпоса, по которому у Феридуна было три сына: Туръ, Силимъ и Ира. Два послѣдніе являются праотцами симитовъ и аріицевъ, а первый—праотцемъ туранцевъ. Въ персидскихъ былинахъ выраженіе: „*туранъ*“ означаетъ страну тьмы и противоплагается выраженію: „*иранъ*“, означающему страну свѣта. „Могло бы казаться, говоритъ Максъ Мюллеръ, что аріицы избрали для себя названіе „*аріицевъ*“ въ противоположность кочевымъ пле-

(¹) Исторія цивилизаціи Англіи. Рус. пер. изд. 2-е, 1861 г. Т. 1, стр. 232.

менамъ, *туранцамъ*, коихъ первоначальное названіе „*тур*“ заключаетъ въ себѣ понятіе о быстротѣ всадника“⁽¹⁾.

Сѣверный отдѣлъ туранскаго семейства языковъ названъ былъ въ наукѣ о языкѣ „*урало-алтайскимъ*“, очевидно опять, по мѣсту жительства монголовъ, финновъ и тюрковъ, которые жили первоначально между Ураломъ и Алтаемъ и языки которыхъ составляютъ урало-алтайскую группу⁽²⁾. Языкъ нашихъ татаръ-мухамеданъ и татаръ-христіанъ долженъ бы собственно называться *тюркскимъ*, такъ какъ сами азіатскіе народы, говорящіе на этомъ языкѣ, называютъ его „*тюрки*“ (ترکی), указывая этимъ на свое коренное происхож-

(1) См. Лекціи по наукѣ о языкѣ. Рус. перев. СПБ. 1865. стр. 180.

(2) Историческое значеніе народовъ *урало-алтайскаго* семейства такъ охарактеризовало извѣстный оріенталистъ, г. Хьюмсонъ: «Разрушало оно много, а создало мало; жило оно на счетъ другихъ племенъ, само же ничего не производило. Оно не расширило круговора человѣчества никакими новыми идеями и его благосостоянію не способствовало никакими новыми открытіями. Нѣкоторые народы этого племени, напримѣръ *тюркскіе* и *угорскіе*, правда, успѣвали достигнуть государственнаго устройства, но государственность ихъ была самая элементарная. Если же эти племена, отъ времени до времени, какимъ-нибудь толчкомъ приводимы были въ движеніе, то лишь для того, чтобы, налетая, подобно сарацинѣ, на культурные народы, разносить повсюду, куда приходили, опустошеніе и разрушеніе. Подъ нанесенными ими съ вѣдѣнною хитростію и изысканною жестокостію тяжкими ударами гибли матеріальныя и нравственныя труды многихъ столѣтій и поколѣній. Когда же шель ихъ утихалъ и угасалъ, они или подвергались поглощенію народами, которыхъ они покорили, или основывали себѣ гдѣ-нибудь новую отчину, представляя чужимъ народамъ водвореніе у нихъ культурныхъ и образовательныхъ началъ. Но имъ самимъ человѣчество ничѣмъ не обязано: они много причиняли вреда и мало приносили пользы; да если и бывала отъ нихъ когданибудь польза для человѣчества, то равнѣ въ томъ отношеніи, что они, подобно бурѣ, очищали воздухъ. Другіе народы этой расы, какъ напримѣръ финскіе, даже не достигали государственнаго развитія: роль ихъ въ исторіи была пассивная. Русскій Вѣстникъ, 1872 г. февраль, ст. «Характеристика семитическихъ народовъ», стр. 435—436.

деніе отъ тюрковъ, и такъ какъ татарскій языкъ весьма близко родствененъ съ турецкимъ языкомъ, главнымъ членомъ урало-алтайскаго семейства. Прочитанный у Тэйлора, писатель XIII вѣка, Вильгельмъ Рюисбрукъ сообщаетъ между прочимъ, въ видѣ серьезнаго историческаго факта, что татары первоначально были прозваны *турками* отъ Турка, старшаго сына Іафета, но потомъ одинъ изъ ихъ государей оставилъ свои владѣнія своимъ сыновьямъ—близнецамъ Татару и Монголу, влѣдствіе чего произошло никогда не уничтожавшееся различіе между этими двумя народами. „Въ историческомъ отношеніи эта легенда, говоритъ Тэйлоръ, совершенно нелѣпа, но она представляетъ безспорный этнологическій фактъ, что турки, монголы и татары—близко родственныя отрасли одного и того же корня; можно не согласиться только съ тѣмъ, что представляется чрезмѣрною претензіею со стороны турокъ, представляющихъ себя главою семьи и предками монголовъ и татаръ“⁽¹⁾.

Что касается собственно названія: *татары*, то въ древности такъ называлось большое племя, жившее близъ озера Байкала, въ восточной Сибири вообще, гдѣ оно сдѣлалось извѣстнымъ еще съ IX вѣка по Р. Хр. Племя это говорило монгольскимъ языкомъ. Чингисханово царство, состоявшее изъ разныхъ народовъ, называлось обыкновенно *татарскимъ*, какъ это видно изъ описаній путешествій средне-вѣковыхъ европейскихъ посланниковъ къ средне-азиатскимъ народамъ. Съ нашествіемъ монголовъ на Россію имя *татары* стало примѣняться ко всѣмъ кочевымъ народамъ Азіи, а послѣ Чингисхана—ко всѣмъ племенамъ, находившимся подъ монгольскимъ владычествомъ. Въ ученыхъ сочиненіяхъ названіе „*татарскій*“ означаетъ или, подобно греческимъ выраженіямъ, „*скиоскій*“, „*сарматскій*“,—группу языковъ, которыми говорили кочевые азіатскіе

⁽¹⁾ См. Первобытная культура. Рус. перев. Томъ I. СПб. 1872. Стр. 372.

народы; или же частнѣе—тогь только классъ языковъ, въ которомъ заключаются турецкій, киргизскій, алтайскій, языкъ казанскихъ татаръ и др. Всѣ эти *тюркскія* племена въ началѣ русской исторіи были покорены монголами, т. е. въ собственномъ смыслѣ *татарами*, подъ игомъ которыхъ и Россія находилась втеченіе 2-хъ столѣтій. По распаденіи Золотой орды на казанское, астраханское и крымское татарскія царства, цари ихъ гордились своимъ происхожденіемъ отъ Чингисхана и, имѣя такимъ образомъ право называться *татарами*, распространили это названіе на свои войска и подданныхъ тюркскаго или турецкаго происхожденія ⁽¹⁾. Языки всѣхъ этихъ народовъ удержали за собою названіе *татарскихъ* даже и послѣ подчиненія ихъ Россіи и до настоящаго времени. Въ настоящее время подъ именемъ *татаръ* мы—русскіе часто разумѣемъ разныхъ инородцевъ, живущихъ въ нашемъ отечествѣ, лишь бы они исповѣдывали мухаммеданскую вѣру и принадлежали къ тюркскому племени. Сами же эти инородцы до сихъ поръ еще помнятъ о своемъ не-татарскомъ, т. е. не-монгольскомъ происхожденіи и обыкновенно называютъ себя или по вѣрѣ, какъ уже было замѣчено—*мусульманами*, или же (казанскіе собственно татары)—*булгарами*. Къ названію „татаринъ“ казанскіе татары до сихъ поръ не привыкли и готовы считать его даже оскорбительнымъ для себя.

Съ усиленіемъ среди татаръ мухаммеданской религіи, съ развитіемъ между ними грамотности, преимущественно религіозной, татарскій языкъ оказался болѣе всего

(1) «Татаръ» (кит. татаи) было сильное монгольское племя, жившее, по указанію восточныхъ историковъ, около китайской границы; Чингисханъ и его династія назывались татарами. Со времени Чингисхана названіе «*татаръ*» стало, по китайскому обычаю, прилагаться ко всѣмъ народамъ, входившимъ въ составъ Чингисхановой Имперіи. (См. Тр. Вост. Отд. Археол. Общ. ч. IV, стр. 216—235; ч. V, стр. 49—70. Землеустройство Азии Риттера, рус. пер. Семенова, стр. 178, 678 и слѣд.)

подъ влияніемъ ученаго духовенства новыхъ мухаммеданъ-татаръ. Обязанные по необходимости изучать арабскій и персидскій языки, татарскіе мѣллы стали мало обращать вниманія на народный языкъ, стали нестрить его, часто безъ всякой нужды, арабскими и персидскими фразами и граматическими формами джагатайскими и турецкими. Этотъ-то, безъ вкуса и нужды подкрашенный, татарскій языкъ начали около 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія изучать въ казанской гимназій, а съ текущаго столѣтія и въ духовныхъ школахъ. Съ 1845 года татарскій языкъ начали изучать и въ казанской Академіи. Но до шестидесятыхъ годовъ текущаго столѣтія все преподаватели татарскаго языка въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ смотрѣли на этотъ языкъ глазами татарскихъ ученыхъ мѣллы, чѣмъ самымъ лучшимъ доказательствомъ служатъ составленные ими въ разное время учебныя руководства и переводы⁽¹⁾. Особенно о послѣднихъ нужно сказать, что переводы эти совсѣмъ почти не достигли той цѣли, для которой назначались. Даже знаменитый Мирза А. К. Казембекъ не лучше другихъ выполнилъ возложенное на него порученіе св. Синода, переводя въкоторыя христіанскія въручительныя и священныя книги на языкъ очень мало доступный пониманію простаго народа. — Поворотъ къ лучшему въ преподаваніи татарскаго языка и въ приложеніи его къ переводамъ христіанскихъ книгъ произведенъ былъ бывшимъ профессоромъ казанскаго Университета и казанской Академіи, нынѣ директоромъ казанской учительской Семинаріи, Н. И. Ильминскимъ, который въ учрежденной имъ въ Казани школѣ для дѣтей крещеныхъ татаръ установилъ совершенно иной взглядъ на татарскій языкъ. Имѣя въ виду дѣйствовать путемъ школы и переводовъ христіанскихъ въручительныхъ и священныхъ книгъ на крещеныхъ татаръ, достопочтеннѣйшій учредитель Крещено-татарской шко-

(1) См. Вступительное чтеніе въ курсъ турецко-татарскаго языка съ приложеними. Н. И. Ильминскаго. Казань. 1862. Стр. 14—16.

ды положить въ основу своихъ переводовъ *разговорный* языкъ тѣхъ же крещеныхъ татаръ, который и есть собственно чистый *народный татарскій* языкъ, не испорченный книжнымъ мухаммеданскимъ вліяніемъ. Этотъ-то народный татарскій, или вѣрнѣе, крещено-татарскій языкъ и служить главнымъ матеріаломъ печатаемаго словаря, который къ сожалѣнію, по независящимъ отъ составителя его обстоятельствамъ, не представляетъ собою надлежащей полноты. Въ виду усилившейся въ послѣднее время потребности въ словарѣ, при помощи котораго можно было бы русскому человѣку пользоваться напечатанными переводами христіанскихъ священныхъ и вѣроучительныхъ книгъ на крещено-татарскій языкъ, составитель печатаемаго словаря рѣшилъ издать то, что было имъ собрано, такъ сказать, на скорую руку, предоставляя другимъ пополнить недостающее и поправить неточности. Составитель будетъ доволенъ, если издаваемый имъ словарь послужитъ основаніемъ для послѣдующей работы въ этомъ родѣ.... Читатель встрѣтитъ въ нижеслѣдующемъ словарѣ слова русскія, арабскія и персидскія, но это — такія слова, какія неизбѣжны въ татарскомъ языкѣ за неимѣніемъ своихъ народныхъ и вълѣдствіе историческаго вліянія, оказаннаго на татаръ взаимными сношеніями ихъ съ русскими, и книжной арабско-персидской граматности.

Что же такое татарскій языкъ? Въ чемъ его отличительный характеръ?

Подобно тому, какъ у каждаго человѣка есть свое особое лице, подходящее въ то же время подъ общій типъ человѣческихъ существъ, такъ точно и татарскій языкъ имѣетъ свои отличительныя, ему одному свойственныя, особенности, хотя во многихъ внутреннихъ своихъ чертахъ онъ сходенъ и съ другими языками. Въ татарскомъ языкѣ есть свои частныя законы, по которымъ въ его матеріалѣ выражаются общечеловѣческіе законы мысли. Склоненіе и спряженіе есть въ каждомъ языкѣ для выраженія извѣстныхъ общечеловѣческихъ

представленій; не лишень склоненій и спряженій и татарскій языкъ, но его склоненіе и спряженіе не похожи на склоненія и спряженія, на примѣръ, русскаго языка. Имѣя въ виду ту общеизвѣстную мысль, что въ языкъ народа узнается народный духовный складъ, нужно сказать, что въ татарскомъ языкѣ отчетливо отражается нравъ и характеръ татаръ, глубина и чуткость ощущеній, съ какими воспринимаютъ они какъ чувства собственной души, такъ и впечатлѣнія внѣшняго міра. Въ татарскомъ языкѣ своеобразно отражается энергія народнаго духа, стремящагося побѣдить грубую вещественность, выразивъ её въ извѣстныхъ этимологическихъ и синтаксическихъ формахъ. Своеобразная острота смысла, нерасположеніе къ отвлеченностямъ всякаго рода, преобладающее стремленіе къ конкретности и описательности въ выраженіи, бѣдность фантазіи, немногосложность и строго-последовательное однообразіе грамматическихъ формъ вообще—вогь отличительныя черты татарскаго языка сравнительно съ русскимъ напр. языкомъ.

Справедливо говорятъ, что, только благодаря языку, извѣстный народъ перестаетъ быть толпой, участь въ языкѣ не только самое лучшее средство взаимнаго общенія отдѣльныхъ лицъ между собою, но и весь, нажитой сообща, запасъ опыта и мысли, этой, какъ говорятъ, безцѣнной монеты со нгтемнелемъ народной индивидуальности. Языкъ, по выраженію Макса Мюллера, представляетъ собою великую ткань, соединяющую извѣстныя личности и между собою, и съ природою; фантазія раскинула по этой ткани богатѣйшую картину духа и исторіи народа. Поэтому-то древній поэтъ (Энній) и говорилъ, что у него три сердца, такъ какъ онъ понималъ по гречески, по римски и по оскски; поэтому-то и Карлъ V не безъ основанія находилъ, что, выучиваясь новому языку, онъ какъ будто бы пріобрѣталъ новую душу. Дѣйствительно, изучая какой нибудь неизвѣстный намъ дотолѣ языкъ, мы расширяемъ горизонтъ своего зрѣнія, усваиваемъ себѣ но-

вый способ означенія вещей, выдвигающій впередъ другую сторону ихъ сущности, узнаемъ даже новый методъ мышленія, по крайней мѣрѣ, новые приемы обдѣлки матеріала мысли. Каждый языкъ стремится достичь одной и той же цѣли своими собственными средствами; въ каждомъ языкѣ выраженіе для одного и того же предмета имѣетъ свой болѣе или менѣе различный оттѣнокъ. Особенно въ нравственной области у каждаго народа есть своеобразныя чувства, идеи, для которыхъ онъ обыкновенно и находитъ такое слово, котораго содержаніе никогда намъ не удастся *вполнѣ* передать соответственнымъ словомъ на другомъ языкѣ. Въ справедливости сказаннаго каждый хоть немного знакомый съ татарскимъ языкомъ согласится, если сравнить русское „*милос*“ и татарское „*ачиу*“, русское „*зависть*“ и татарское „*кѣнчѣлѣк*“, русское „*грѣхъ*“ и татарское „*жазип*“ и пол. Особенно любопытно для сравненія татарское „*кѣнчѣлѣк*“ съ русскимъ „*зависть*“.

Что касается, частнѣе, этимологическихъ формъ татарскаго языка, то онѣ не имѣютъ ни того разнообразія, ни той определенности, какую замѣчаемъ мы въ русскомъ языкѣ. Въ татарскомъ языкѣ часто на одну и ту же букву можетъ оканчиваться и существительное, и прилагательное, и нарѣчіе, и глаголь,—напримѣръ: *кар* снѣгъ, *тар* тѣсный, *начар* худо, *бар* иди туда. Поэтому, каждое качественное слово можетъ безъ измѣненія своего окончанія быть и прилагательнымъ, и нарѣчіемъ, напримѣръ: *жакип*—хорошій и хорошо, *карангы*—темный и темно; а если возможно по положенію слова въ рѣчи, то и существительнымъ, напр.: *карт* — старый и старикъ, *жакты* — снѣтъ, свѣтлый, свѣтло, *кара* — черный и чернила. Нерѣдко одно и тоже слово бываетъ безъ перемѣны окончанія и существительнымъ и глаголомъ, напр.: *сугуш*—драка, сраженіе и драгься, сражаться и под. Въ татарскомъ языкѣ нѣтъ сопѣмъ родовыхъ измѣненій и окончаній ни въ именахъ, ни въ глаголахъ, окончанія падежей совершенно однообразны, но только для различныхъ частей рѣчи—